

Бельгийские пророчества

Не свершились ли в Бельгии пророчества?

Кто предчувствовал? кто знал заранее? Кто был исполнен тоски и ужаса накануне её разрушения?

Прилично мыслящему европейцу давно уже не полагается верить в пророчества. Наивное сознание думает, что они были когда-то раньше, так же как «некогда» была «священная Троя» и вообще герои, а потом настала эпоха обыкновенных смертных.

Но есть и «герои», и «священная Троя», – есть и пророчества. Творится великое религиозно-историческое бытие, а не обывательское существование. Творится по сейчас только – в военных громах и молниях, творится всегда, но мы «знаем», что – гроза, когда уже гром гремит и сверкает молния... «Гром не грянет – не перекрестится». Произносятся пророчества, – но мы покупаем книги, прочитываем их между делом, переплетаем и ставим на полку. И есть даже вражда у совершенно культурного человека к благоговению, восхищению, восторгу – также как и к отчаянию, возмущению, негодованию... А гнев? Кажется, он оставлен на долю – долю разрушенной «священной» Трои. А проклятия? Они просто противоречат «хорошему» – культурному, да и христианскому тону. Всё это так легко называется нервностью и аффектацией! И, кажется, – отбыли своё бытие герои – и отзвучали пророчества.

Есть «дела» и «служба» – есть «литература» и «искусство». Одно переменяется с другим. Одно другому – в деловые минуты мешает, а на досуге – «не мешает».

И так было всегда: всегда была жизнь и поэзия – суэта и религия. Но также верно и обратное: те же герои и те же пророчества! Всё дело в творящем сознании – ещё вернее: в творящей воле человеческого сознания. В том, как оно хочет воспринимать события: сообразно ли глубине предчувствий или – поверхности здравого смысла.

Разрушена священная Бельгия... Нет, – не священная? Только Трое надлежало это звание? Но пророки ощущали иначе.

В том литературном движении, которое легко поднималось – как чисто книжное, выдуманное в комнатах среди книжных шкафов и полок, – бельгийские декаденты были в последнее время самыми пророчесственными – проникновеннее всех предчувствовавшими.

Вольтер и Руссо вызывали революцию? Нет! Клянутся историки: идеи не вызывают политических движений. Политические события вызывают ли литературные движения? Нет! теперь уже перестают в это верить: идеи развиваются своими путями...

Но не могут души человеческие не предчувствовать, не предугадывать! И потому были и есть пророчества. Пророки были и Вольтер, и Руссо; и Толстой, и Достоевский... Бельгийские пророки – Метерлинк и Верхарн – два самые подлинные из всех поэтов, вышедших из лона декадентства на западе; и даже – скромнейший, чем они оба, – Роденбах.

На днях промелькнуло известие, что Верхарн написал «Плач Бельгии»... Если это известие ложное, и его выдумал бойкий корреспондент: это легенда, уловившая правду.

Плач Иеремии – Плач Верхарна! Роденбах и Верхарн – два полюса. Метерлинк между ними как связующий, как нейтральный. Всеми прочитанный – даже усвоенный: по крайней мере – не раз исповеданный и представленный в тетрадах.

Усталая грусть Роденбаха, привязанного ко всем предметам, влюблённого в души всех предметов старинной Бельгии, уходящей, теряющейся в невозвратимом прошлом – прошлом, едва заметном в гулкой современности, – эту предчувствующую грусть – поняли, как – изящную утончённость и капризы. Эту таинственную грусть «переплетали» и ставили на полку – среди других стихов и прозы.

Проклинающий и взывающий пафос Верхарна – был принят большинством за экзальтацию, за риторическую приподнятость, – хотя и очень приятного литературного тона.

Библейские времена миновали – и что нам теперь до таких пророческих стонов:

Les soirs crucifiés sur l'horison, les soirs
Salgnent, dans les marais, leus douleurs et leurs plaies,
Dans les marais, ainsi de rouges miroirs,
I'lacés pour rofléter le martyre des soirs,
Des soirs crucifiés sur l'horizon, les soirs!

.....

(Verhaeren, Humanité).

Поэзия Метрлинка с первых её вздохов была жалобными стонами, предвестием каких-то неотвратимых судеб: и уродливые видения, сказавшиеся в Serre Chaudes, и тоскующие страсти всех его младенческих принцесс, и все те драмы «внутри» – внутри каждого дома и внутри каждой души, каждый день, в обыденном, «внутри каждого дня». И особенно страшная символика слепорождённого или ослепшего человечества, осуждённого замёрзнуть в лесу. Вся поэзия Метерлинка полна чувством крушения, надвигающихся бед, присутствующей везде смерти: неразрешимости роковых узлов, неотвратимости неизбежных событий. Все осуждены. Безднадёжное сознание заключённых, приговорённых, обречённых – пафос этого пророчествования.

Предчувствие Метерлинка глубже его идей.

Идеи вызваны, как утешение. Он примирился в своём успокоительном мировоззрении, к кото<ро>му он пришёл после своей пророческой тоски – не слишком малом, слишком простом – и сб<л>изился здесь с кротким Роденбахом; так же, как и социализм Верхарна бледнее его отчаяния.

Метерлинк был мудр в своих предчувствиях тем «пророческим» инстинктом, который приличное европейское сознание отымаёт у человеческого достоинства.

О, конечно, я вовсе не хочу сказать этим, что предчувствующая тоска Метерлинка относилась только к Бельгии и её разрушению, как и пророчества Исайи или Иеремии относились не к одной судьбе Иерусалима, но ко всему миру, ожидавшему спасения.

Во всяких предчувствиях содержится будущее в его хаотическом очерке – пророчества всегда смутны; однако исполнение их начинается с ближайшего, простираясь до очень далёкого будущего. Они могут исполняться и не так, как это казалось самим пророкам. Но если душа человеческая живёт не одним сознанием и здравым смыслом, то во всякой тоске и во всяком душевном отчаянии нельзя не видеть признаков того, что несомненно будет, – того, что – так как иначе – действительно, совершится.

Если «сочинения» Метерлинка или Верхарна ещё год тому назад читались – как одни из книг, – после разрушения страны, которая должна стать для нас отныне священной, они становятся для нас частью какой-то новой Библии.

Владимир Гиппиус.